МУРЗИЛКА

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

ФЕВРАЛЬ № 2 1974

Пересказал
Л. Кузьмин
Собрал
В. Климов
Рисовал
Л. Токмаков
© «Мурзилка», 1974 г.

—Чив-чив, воробей,
Сбегай грядки полей!

—Нет, папенька!
Нет, маменька!

—Чив-чив, воробей,
В крыше дырку забей!

—Нет, папенька!
Нет, маменька!

—Чив-чив, воробей,
Самовар подогрей!

—Нет, папенька!
Нет, маменька!

—Чив-чив, воробей,
Сядь за стол поскорей!

—Мигом, папенька!
Сел я, маменька!

РИСУЮТ ДЕТИ

Сколько радости — наточить коньки напильником, чтобы они стали острыми, как ножи, надеть их и выбежать на синий лёд! Коньки остры, легко режут лёд, никто тебя не догонит.

А если к этому клюшку в руки и под клюшку быструю шайбу... Не промахнись, юный хоккеист! Хоккей любит метких и сильных.

Подождите. Хоккей и коньки — это зима. А если весна и лёд растаял. Тогда как быть? Но надо ли унывать? Видишь, прыгает по первой травке упругий мяч. Так хочется ударить по нему и с первого раза попасть в ворота, чтобы мяч забился в сетке, как рыба в неводе.

Физкультпривет!
Физкультпривет!
Без гола
и футбола
нет.

А кроме футбола, каким спортом можно заняться весной или летом?

Размяться вышли силачи.
Летают гири, как мячи.

Ты вырастешь и тоже сможешь взять в руки гири или штангу, как тот силач, которого изобразил твой ровесник.

Хочешь, чтобы у тебя в доме круглый год были и зима, и лето, и весна, и осень? И коньки, и лыжи, и футбол?

Ты уже, наверное, догадался, как этого добиться. Очень просто: надо нарисовать рисунки, как это сделали московские школьники, чьи работы мы показываем сегодня.

Чтобы хорошо рисовать, надо любить и знать то, что ты рисуешь. Иначе ничего не получится. Московские ребята любят спорт, и спортивные рисунки у них получились хорошие, со знанием дела.

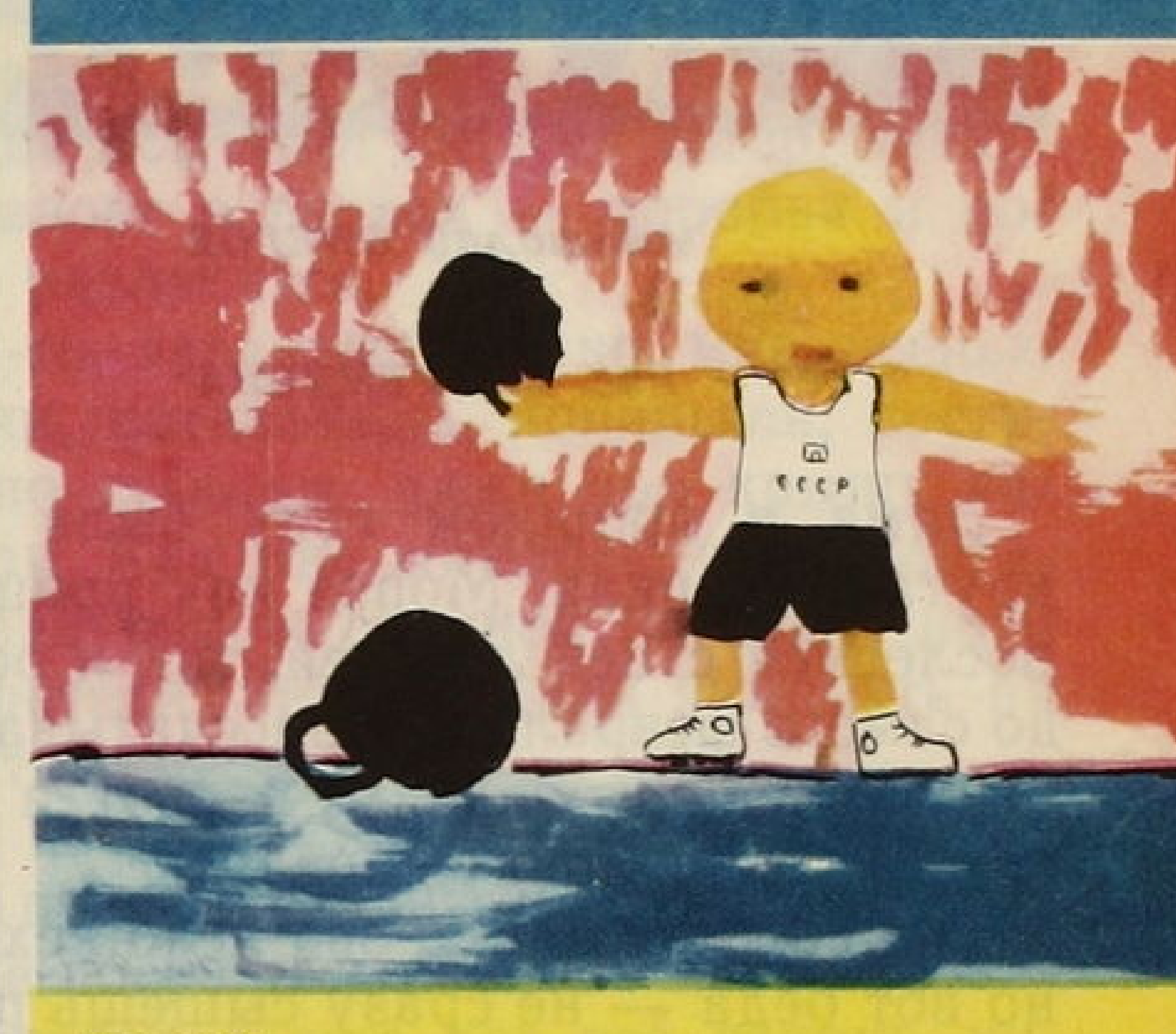
„Конькобежцы“.
Рис. Юрия Марковина, 8 лет, Москва.

„Фигуристы“.
Рис. Оли Виноградовой, 12 лет, Москва.

„Хоккей“.
Рис. Иры Догаевой, 7 лет, Москва.

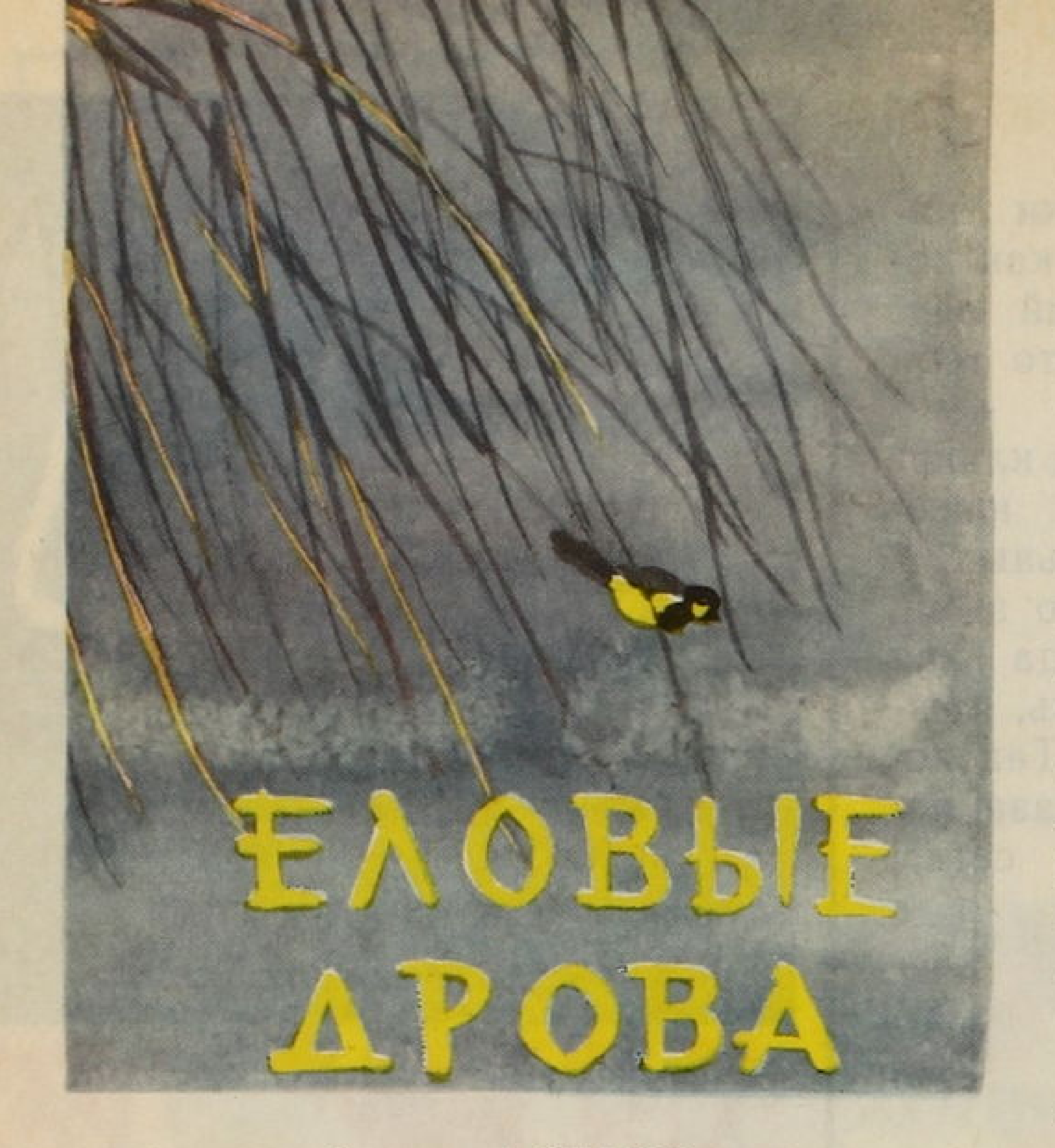

„Футбол“.
Рис. Андрея Дорошева, 7 лет, Москва.

„Силач“.
Рис. Серёжи Нечаева, 7 лет, Москва.

Анатолий ***ОНЕГОВ***

Рис. В. ***ДУВИДОВА***

Зима в прошлом году была у нас крутая, крепкая. Мороз как пришёл за последней стаей лебедей, так и остался до самого февраля. Не рассчитывал я на такую ледовитую зиму — вот и подошли у меня к концу дрова.

Привезти зимой дрова дело нехитрое, но вот беда — не сразу сыщешь по этому времени сухие дрова, что жарко и споро будут гореть в печи.

Но вот дрова мне наконец привезли, свалили у дома, и стал я их потихонечку пилить, колоть и складывать в поленницу у сарая.

Выйдешь на мороз, положишь на низкие прочные козлы тяжёлое еловое бревно, проведёшь по бревну раз-другой тонкой и ловкой лучковой пилой, и останется на бревне след — отметина, какой длины отпилить чураки. Потом ещё одну отметину оставишь, а за ней ещё и ещё — вот так и поделишь бревно на ровные чураки, поделишь так, чтобы получились из этих чураков ровные, ладные поленья. Ну а потом пилишь.

Раскидаешь бревно на чураки, отложишь пилу, передохнёшь, примеришь к руке топор, поставишь чурак на чурак — и начнётся самая весёлая работа.

Дрова мне привезли сухие, колкие, без сучков. Кора по брёвнам давно покоробилась, местами даже отстала и не мешает топору разваливать чурак с одного удара. Быстро накидаешь посреди двора высокую горку звонких поленьев. Потом отгребёшь ногой в сторону кору, чтобы не мешала любоваться чистыми ровными дровами, и пойдёшь домой немного остыть после жаркой работы.

Сидишь у окна, прихлёбываешь из кружки сладкий чай, а сам представляешь, как займутся разом в печи еловые дрова, как будут потрескивать и постреливать и как потом останутся от дров жаркие угли.

А на угли смотреть всегда интересно. Они будто живые — всё время переговариваются, перешёптываются. А потом вдруг замолкнут и погаснут. Но поворошишь их кочергой — и снова они загорятся, заговорят... Весело рядом с углями...

Воображал я себе, как будут гореть в печи мои еловые дрова, и не сразу заметил, что во дворе крутится какая-то птичка. Вышел я во двор, осмотрелся — никого нет, только на снегу рядом с дровами остались тоненькие птичьи следы.

Чьи они? Может, воробьи успели попрыгать по снегу, пока я сидел дома и пил чай? А откуда им взяться? Воробьи в наших местах — птицы странные. Птенцов выводят у меня под крышей. А выведут птенцов и улетят куда-то. Правда, по осени ещё заявятся, навестят родные места. Но это совсем потом, когда на лебеде, что растёт у меня

вдоль забора, поспеют семена. Обобьют лебеду и опять скроются. Другой раз до самой весны не появятся у меня под окнами.

И что только я не делал, чтобы задержать воробьёв, какие кормушки только не устраивал — всё напрасно. Не любят воробьи мой дом осенью и зимой. И всё потому, что стоит мой дом на открытом месте, у самой воды. Ветра здесь много. Ворона, на что большая и смелая птица, и та ветер не любит. Как задуют ветры с озера, так — жди не жди — не увидишь здесь ни ворон, ни сорок. А стихнет, уймётся на время ветер, вороны и сороки покажутся, посидят на заборе, подберут с кормушки корм, что готовил я для воробьёв, и опять куда-то улетят.

Посадил я и деревья вдоль забора — и это не помогло. Подует ветер, заскулит, завоет в ветвях — воробьи и подавно разлетятся.

Как-то заглядывали ко мне осенью синички, потинькали, попищали, постучали по стёклам, даже под крышу заглянули. Как мне хотелось, чтобы остались они рядом со мной на зиму, но и они улетели, не пожелали зимовать на открытом месте.

Вот почему и задумался я: «Кто же, какие птицы заглянули ко мне в гости, да ещё посреди лютой зимы?»

Осмотрел я ещё раз всё вокруг, никого не увидел и стал убирать дрова. Уложу в поленницу десяток поленьев, возвращаюсь за новыми. И тут повернулся я от поленницы и увидел большую желтогрудую синичку. И показалась она мне такой замечательной. Это, наверное, всё оттого, что давно не видел я у себя в гостях никаких птиц. А может, и вправду моя неожиданная гостья была очень красива в своём ярком наряде, да ещё на белом-белом снегу — грудка жёлтая, спинка лазоревая и чёрный галстучек по всему брюшку.

Остановился я и стал ждать: «Откуда и зачем пожаловала ты ко мне в гости?» И тут синичка скок с забора туда, где кучка еловой коры лежала, повертела головкой, что-то ухватила и обратно на забор.

Наверное, не надо было мне торопиться, но я всё-таки поторопился к кучке коры. Нагнулся, поворошил кору и увидел короеда, большого, жирного, только замёрзшего. Так вот за чем ты ко мне пожаловала — за короедами! И как только ты, подружка, догадалась, что вместе с дровами привёз я тебе угощение?

Положил я короеда на кусочек коры, отошёл в сторону и стал ждать — что будет? Улетит синичка или не побоится?

И не побоялась. Слетела с забора, повернула головку направо, налево — и скок к моему короеду. И тут же порх-порх на забор.

Так и убирали мы вместе с синичкой дрова до самого вечера — поленница моя росла, а короедов в кучке коры, наверное, убывало.

Закончил я работу, подмёл двор от щепок, а кучку коры выметать не стал — только сдвинул чуть в сторону, чтобы дороге не мешала. Вышел утром на улицу и вижу — крутятся около кучки коры уже две синички. Думал я, что и третья к ним прилетит. Но третья не прилетела. А на следующий день и эти две исчезли.

Поискал я их вокруг и не нашёл, И снова принялся пилить на чураки сухое еловое бревно... И почти тут же на заборе появилась синичка. А за ней другая.

Откуда прилетела первая, я не видел, а вторую заметил. Издали заметил, как подпрыгивает над сугробами в мою сторону маленький тёмный комочек. И появился он с той стороны залива, от самых кустов, что стояли среди снега редкими тонкими веточками. Выходит, прилетела ко мне синичка из леса.

Прилетела, села на забор, посидела и раньше подруги спрыгнула на снег. К дровам сразу она не подошла — наверное, ещё не верила мне, — а стала что-то разыскивать по двору. Ну а немного погодя обе синички уже смело прыгали по горке дров, ворошили полоски еловой коры и не очень торопливо улетали от меня, когда я возвращался от поленницы за новыми дровами.

Дров на этот раз я наколол много. Много собрал коры. И синички прыгали у меня по двору до самого вечера. А вечером я подсмотрел — не улетели они в лес, а одна за другой шмыгнули на сеновал. Там мои гостьи и переночевали.

Утром подул ветер. Боялся я, что синички улетят. Но не тут-то было. Только на ветру долго они не разгуливали. Попрыгают по двору, осмотрят всё вокруг — и на сеновал передохнуть, а потом снова во двор.

Вот так и остались мы вместе с синичками дожидаться конца зимы. Угощал я их и семечками, и хлебными крошками, и даже кашей. Но больше всего нравились им всё-таки мороженые короеды. Стоило мне выйти на крыльцо с пилой в руках, как мои друзья тут же появлялись на заборе около дров и с нетерпением ждали, когда я отложу пилу и возьмусь за топор.

Чтобы не заставлять синичек долго ждать, пришлось мне теперь поступать по-другому. Не стал я сразу пилить всё бревно — только размечу, а потом отпилю один чурак и сразу его расколю. А потом отпилю следующий...

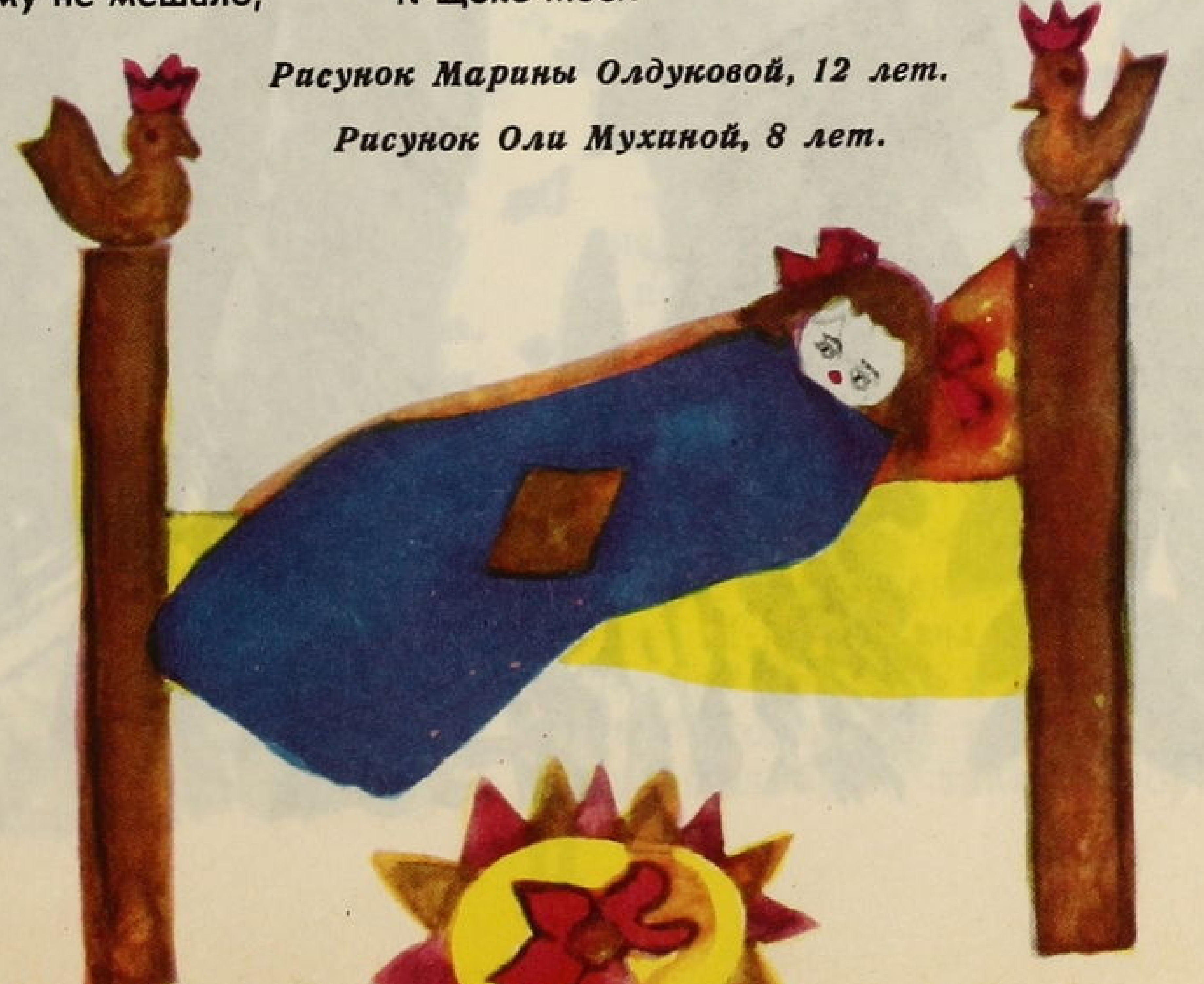
Я. АКИМ

ОБЛАКО

С вечера
Мама
Окно не закрыла —
Белое облако
В комнату
Вплыло.
Ночью оно
Никому не мешало,
Только шуршало,
Словно дышало.
У книжного шкафа
Уткнулось в стекло.
Красное яблоко
Обволокло.
Потом
К щеке моей
Прикоснулось.
Я улыбнулась ему
И проснулась.
Солнышко светит.
Раскрыто окно...
Когда же успело
Исчезнуть оно?

Рисунок Марины Олдуковой, 12 лет.

Рисунок Оли Мухиной, 8 лет.

Лиса ЛАРИСКА и тетерев ТЕРЕНТИЙ

Николай **ГРИБАЧЁВ**
Рис. Н. **ВОРОНКОВА**

В глубине леса, в самой глухой чаще, в которую даже заяц Коська и ёж Кирюха боялись заглядывать, жил молодой тетерев Терентий. Больше всего на свете любил он ягоды и только о них и думал — и утром, и днём, и вечером. Даже когда спал, ему всё ягоды снились.

Узнала об этом лиса Лариска и решила обмануть тетерева Терентия, выманить куда-нибудь на поляну и поймать. Надéла она платье в голубой горошек, которое у лесниковой дочки украла, платочек на голову повязала, чтобы доброй казаться, пошла на край глухой чащи и стала звать:

— Тетерев Терентий! Ау, тетерев Терентий!

— Бу-бу-бу! — сказал тетерев Терентий. — Кому это я тут понадобился?

— Да это я, лиса Лариска. Слыхала я, что ты ягоды любишь. А я такая добрая, такая добрая, что решила помочь тебе.

— Да как же ты мне поможешь?

— И-и-и! — чуть не запела лиса Лариска. — Да тут и думать нечего. Я всё равно без дела целый день по лесу бегаю, так и отыщу поляну, где ягод много-премного. А завтра утром прибегу и скажу тебе.

— Бу-бу, — хмыкнул тетерев Терентий, — а не обманешь? Мой дед говорил, что вы, лисы, хитрые.

— И-и, что ты, что ты, тетерев Терентий! Это ещё в какие старые времена было, теперь всё по-другому. Я вот такая добрая, такая добрая, что по-

следнее готова другим отдать. И тебе завтра платок свой подарю, чтобы ягоды было куда класть. Прилетишь домой, братьев и сестёр угостишь, они и мне спасибо скажут.

— Бу-бу, — согласился тетерев Терентий. — Буду утром ждать тебя!

«Ага, — думала лиса Лариска, — попался ты мне теперь, глупый тетерев Терентий! Только надо место найти такое, чтобы сцапать было удобно».

И побежала искать. Бегала, бегала, думала, думала и выбрала поляну около Крапивной горки. Ягод там, правда, никаких не было — ни черники, ни брусники, ни малины, ни рябины. Да зато стоял на краю полянки густой куст, под которым можно спрятаться, а рядом с ним высокая ёлка. «Прилетит тетерев Терентий на ёлку, — думала лиса Лариска, — с ёлки на куст спрыгнет, с куста на траву, а тут я его и сцапаю».

Всю ночь снилось лисе Лариске, как несёт она домой тетерева, чтобы ощипать и зажарить. Несёт и оглядывается — как бы волк Бакула навстречу не попался, делиться не заставил. Утром даже завтракать она не стала, побежала на край глухой чащи.

— Доброе утро, тетерев Терентий, — сказала лиса Лариска. — Ох и устала

я вчера, ох и устала! Весь лес обегала. Да уж зато такое местечко отыскала, что земли не видать, вся ягодами покрыта. Хоть глаза зажмурь, а как нагнулся, так и горсть, как нагнулся, так и горсть.

— Это хорошо! — обрадовался тетерев Терентий. — Сомневался я в тебе, а теперь вижу, что добрая ты. Куда лететь-то надо?

— Да недалеко тут, около Крапивной горки. И удобно там тебе будет — сначала на ёлку прилетишь, потом на куст спрыгнешь, а с куста прямо в ягоды. Вот и платочек мой возьми.

Но тетерев Терентий побоялся на землю слетать.

— Бу-бу! — сказал он. — Будет лучше, если ты его на землю положишь да в сторонку отойдёшь.

— И-и, тетерев Терентий, да положу я, положу! Я и так на одну минуту забежала. Дома у меня рыба жарится, так боюсь, чтобы не пригорела.

Положила лиса Лариска платок на траву, завернула за ёлку и побежала. Да не домой, а прямо на Крапивную горку, чтобы в куст спрятаться. Бежит и хихикает: «Глупый ты, тетерев Терентий, глупый! Платок я тебе подарила,

да недолго ты им попользуешься, поймаю я тебя, и опять он моим будет!»

Поднял тетерев Терентий платок, повязал себе на шею, стал не спеша перелетать к Крапивной горке — он хорошо утром позавтракал, и есть ему ещё не очень хотелось. А тут как раз по лесу заяц Коська шёл. Остановился он, помахал кепкой:

— Здравствуй, тетерев Терентий! Куда это ты собрался? И платок у тебя какой красивый!

— Бу-бу, — сказал тетерев Терентий. — Буду я в этот платок ягоды брать. Мне его лиса Лариска подарила.

— Ох, тетерев Терентий, не верил бы ты лисе Лариске. Обманет она тебя.

— Нет, заяц Коська, она добрая. Это в старое время лисы хитрые были, а теперь всё переменилось. Она для меня ягоды отыскала на Крапивной горке, нагнулся — и горсть, нагнулся — и горсть.

— На Крапивной горке? — удивился заяц Коська. — Да нету там никаких ягод!

— Как так нету?

— Нету, нету! Совсем нету. Я там утром был и всё видел. Да хоть у медведя Потапа спроси, он тоже искал и ничего не нашёл.

Задумался тетерев Терентий. Вспомнил, как мать ему говорила: «В лесу у тебя и друзья, и враги есть. А больше всего лисы Лариски опасайся, слова у неё ласковые, а зубы острые». А пока он думал, на край поляны сорока Софка прилетела, затараторила:

— Ча-ча-ча! Я всюду летаю, всё про всех знаю! К ежу Кирюхе гости пришли, он печку топит, компот варит. Медведь Потап около пасеки букварь нашёл, читать учится. У волка Бакулы зуб болит, щёку тряпкой повязал, в буреломе сидит, на весь лес сердит. Лиса Лариска на Крапивную горку побежала, в куст спряталась, тихо лежит, добычу сторожит.

— Ну слышал, тетерев Терентий? — спросил заяц Коська. — Это она тебя ждёт, когти точит, поймать хочет.

— Ладно, — сказал тетерев Терентий. — Пускай ждёт. Я домой полечу, в другом месте ягод поищу.

Так и сделал тетерев Терентий. А лиса Лариска до самого вечера, пока темно не сделалось, ждала, да так никого и не дождалась. Домой шла — в темноте об колючки ободралась, спать легла голодная и злая.

С тех пор как только увидит она тетерева, так и зашипит:

— Отдай мой платок, тетерев Терентий! Отдай мой платок!

А тетерев Терентий смеётся:

— Бу-бу-бу! Будешь знать, лиса Лариска, как врать да обманывать. А платок я сам носить бу-бу-буду!

Так и осталась лиса Лариска без платка — его тетерев в холодную погоду на шею повязывает. И тепло, и красиво!

АКТИВНЫЙ ОТДЫХ

Сергей ***АЛЕКСЕЕВ***

Рис. ***В. ЛОСИНА***

Наступала стрелковая рота. Шагала, шагала она на запад. Устали бойцы от боёв, от военного грома. Дали солдатам отдых.

Расположилась рота в селе над Гжатью. Спит подо льдом, под снегами Гжать. Тишь сковала сейчас округу. Отгремели кругом бои. Явились солдаты в село под вечер. Разместились в уцелевших от боя избах. Уснули, как в детстве, блаженным сном.

Только уснули.

— Тревога!

— Тревога!

Гремит:

— Подъём!

Поднялись в момент солдаты. Полушубки на плечи, винтовки в руки. Снова в строю солдаты.

Оказалось, прорывалась рядом долиной Гжати из наших тылов к своим какая-то фашистская часть. Вступили солдаты в бой. Окружили, побили они фашистов.

Вернулись солдаты к покою, к избам.

Утром проснулись, прошлись по улице. В деревне лишь треть домов. Лизнула деревню война огнём. Уходя, спалили фашисты две трети домов. Трубы торчат и печи.

В землянках, в ямах, чуть ли не в норах живут погорельцы.

Смотрят солдаты на трубы, на печи, на ямы-норы. Кто-то из них сказал несмело:

— А ну-ка, братва, поможем.

Закипела кругом работа. Топоры, как дятел, носами в брёвна. Пилы бульдогом вцепились в сосны.

Из пепла, из снега поднялись избы. Трубы, как флаги, венчают крыши.

Завершили солдаты в селе работу. Осмотрели теперь округу. Вышли к замёрзшей Гжати.

Сваи торчат из Гжати. Был здесь недавно мост.

Посмотрели солдаты на лёд, на сваи:

— А ну-ка, братва, наладим!

Закипела опять работа. День не прошёл, как снова доски легли над Гжатью, перила схватились за оба берега.

Закончили мост солдаты. Снова идут округой. Смотрят — на взгорке школа. Вернее, то, что осталось теперь от школы. Одиноко стоит фундамент.

Посмотрели солдаты на битый камень. Кто-то сказал несмело:

— А ну-ка, братва, докажем!

Закипела и здесь работа. Лихи солдаты в труде, в работе. Много умельцев в стрелковой роте.

Снова школа на прежнем месте. Снова в наряде взгорок.

Довольны солдаты. Идут в деревню. Пришли в деревню. Гремит команда:

— Стройся! Стройся!

— Закончен отдых!

Повзводно стала в шеренги рота.

— Смирно!

— Налево!

— Песню!

Шагнула стрелковая рота. Взвилась над ротой песня. Зашагали солдаты в свою дивизию.

Явились они в дивизию. Генералу доклад о роте:

— Прибыла с отдыха рота.

— Как отдыхалось?

— Полный во всем порядок.

— А точнее?

Узнал генерал про бой с фашистами, про мост, про дома, про школу. Посмотрел генерал на солдат, на роту:

— Благодарю. Ну что же, активный, выходит, отдых.

„Р. В. С." — так называется рассказ А. Гайдара о гражданской войне, о том, как два мальчика, Дима и Жиган, прячут от бандитов раненого красного командира и, чтобы спасти его, Жиган пробирается в город, в штаб красных. Прочитайте отрывок из рассказа.

Р. В. С.

Дежурный посмотрел на Жигана, развернул записку и, заметив в левом углу всё те же три загадочные буквы «Р.В.С.», сразу же подвинул огонь И только прочитал — к телефону: «Командира!.. Комиссара!», а сам торопливо заходил по комнате.

Вошли двое.

— Не может быть! — удивлённо крикнул один.

— Он!.. Конечно, он! — радостно перебил другой. — Его подпись, его бланк. Кто привёз?

И только сейчас взоры всех обратились на притихшего в углу Жигана.

— Какой он?

— Чёрный... в сапогах... и звезда у его прилеплена, а из неё красный флажок.

— Ну да, да, орден!

— Только скорей бы, — добавил Жиган, — светать скоро будет... А тогда бандиты... убьют, коли найдут.

...Затрубила быстро-быстро труба, и от лошадиного топота задрожали стёкла.

— Где? — Порывисто распахнув дверь, вошел вооружённый маузером и шашкой командир. — Это ты, мальчуган?.. Васильченко, с собой его, на коня...

Не успел Жиган опомниться, как кто-то сильными руками поднял его с земли и усадил на лошадь. И снова заиграла труба.

Рис. В. ГАЛЬДЯЕВА

— Скорей! — повелительно крикнул кто-то с крыльца. — Вы должны успеть!

— Даёшь! — ответили эхом десятки голосов.

Потом:

— А-арш!

И, сразу сорвавшись с места, врезался в темноту конный отряд.

Л. МУРАШОВА

СТОЙ — КРАСНЫЙ СВЕТ!

Мы приехали в люберецкую школу № 5 и сразу попали на «улицу»: большой актовый зал был превращён в оживлённую магистраль. Мы растерялись и нарушили правила: встали на перекрёстке. Капитан милиции Александр Филиппович Гавриленков сделал нам замечание, отвёл в сторонку и продолжил занятия.

Видите, как внимательно смотрят мальчики и девочки на «волшебную палочку» — милицейский жезл.

Вот палочка взлетела вверх...

— Что это означает? — спрашивает Александр Филиппович.

— Внимание! — ответил Алёша Харламов. Он уже хорошо научился читать строгие приказы милицейского жезла и с готовностью их выполняет.

У ребят часто бывают «милицейские» игры. Тут без знаний не обойдёшься. К примеру, такой вопрос задаётся: что означает для пешехода, если милиционер стоит лицом к потоку машин. Ага, вот и попался! Ты-то думал, что милиционер так только посреди улицы стоит. Ходит куда попало, смотрит в любую сторону, где интересней. И неправильно думал. А вот Вадика Распанова врасплох не застанешь. Он-то знает, что такая позиция главного человека на улице — милиционера-регулировщика — означает, что путь для пешехода свободен. Иди себе, ничего не бойся! Да для осторожности по сторонам поглядывай: сначала налево, потом направо. Сложно ходить по большому городу, когда не знаешь правил дорожного движения.

Мы прощаемся с ребятами, осторожно переходим самодельную улицу по пешеходной дорожке, внимательно смотрим по сторонам. И вдруг Любочка Харламова сказала:

— А знаете, у нас правила дорожного движения знают все до одного!

Фото С. ЮДИНА

Рис. А. СЕМЁНОВА

Дорогие маленькие пешеходы!

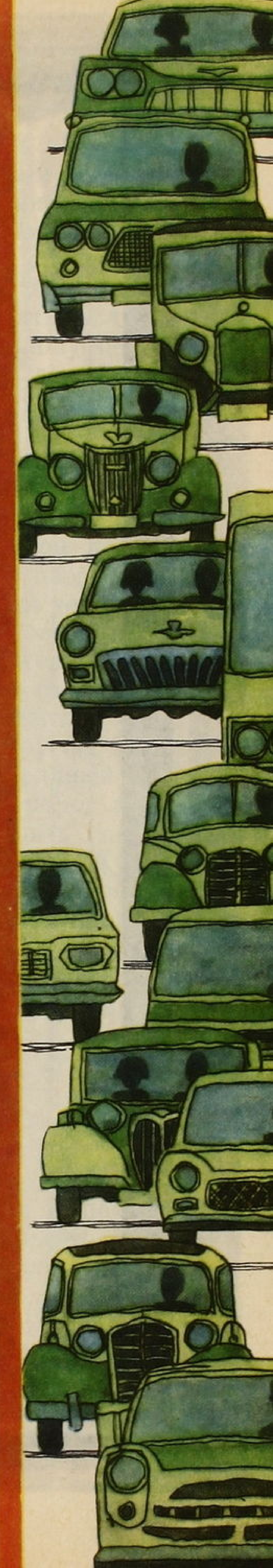
Как вы помните, в сентябре прошлого года мы объявили конкурс «Светофор». Сегодня сообщаем его результаты. Редакция получила более 7 тысяч писем. Их прислали ребята из далёкого Приморского края и жаркой Средней Азии, горного Урала и степной Украины — из всех уголков нашей необъятной Родины. Отвечали на вопросы и школьники, и те, кто ходит пока в детский сад.

Нам очень приятно, что почти все ребята хорошо освоили «дорожную грамоту». Они не только точно ответили на все вопросы, хорошо нарисовали различные дорожные знаки, но и сумели правильно объяснить их значение.

В нашем конкурсе нет проигравших. Каждый участник или приобрёл, или закрепил свои знания правил движения. Поэтому жюри награждает всех «Дипломами отличного пешехода».

Сто самых отличившихся ребят получат настольные игры, милицейские игрушечные автомобили и жезлы для регулирования движения.

Итак, конкурс закончился! Но мы советуем вам, ребята, не забывать правила уличного движения.

В. БАХРЕВСКИЙ

ЖУРАВЛИК

Окончание

Рис. Н. УСТИНОВА

В деревянном огромном гнезде человека горело маленькое жёлтое солнце, но было пусто.

Журавлик не знал, что это только сени. А тут он углядел миску с едой, и ему захотелось есть.

От пищи стало тепло, покойно, голова нырнула под крылышко, и Журавлик заснул. Он не слышал, как мама мальчиков выключила электричество и заперла дверь.

*

Жизнь у Журавлика пошла тихая, странная.

Он разгуливал по сеням ночью, а днём прятался в тёмном углу. Люди будто не видели, что в их доме живёт птица: ни женщина, ни мальчики.

«Вот какой я ловкий!» — думал Журавлик.

Но почему-то мальчик поменьше каждый день забывал в сенях глубокую миску с едой, а мальчик побольше приносил с улицы ведро воды и ставил рядом с миской.

По крыше стучали дожди, за стенами дома свистел ветер, но однажды Журавлика разбудила тишина.

В двери была щель, и через эту щель Журавлик увидел зиму.

Мамы-журавлихи никогда не видели зимы, но они пугают ею непослушных, ленивых птенцов.

А зима белая! И холодная. От дыхания шёл пар. Журавлик забился в свой уголок, нахохлился, но тут из дома выскочили мальчики.

Они притащили мешок с паклей и стали затыкать щели.

Молоток стучал, Журавлик вздрагивал, но, когда дело было кончено, в сенях стало теплей.

«Уж не для меня ли они старались? — подумал Журавлик. — Неужели они знают, что я живу под их крышей?»

Мальчики теперь ходили в шубах, в валенках. Щёки у них стали красные, как яблоки.

Мальчики не боялись зимы. Они брали салазки и на целый день уходили на горку. Или в одних фуфайках бежали на озеро кататься на коньках.

«Зима не такая уж и страшная!» — думал Журавлик. Но как-то ночью брёвна стали потрескивать, углы в сенях промёрзли, даже на полу заблестел иней. Ветер бросал на домик целые сугробы снега.

В доме проснулись.

— Как бы наш дружок не замёрз! — сказала мама.

Журавлика била дрожь. Он стоял то на одной ноге, то на другой, лапы примерзали к полу. Вдруг дверь отворилась. И Журавлик увидел человеческое жильё. В печи горели дрова. На кроватях, закутавшись в одеяла, сидели мальчики и ждали кого-то.

В доме было тепло, светло. Журавлик сделал один шаг, другой. И вот в дверях показался журавлиный нос, но тотчас скрылся. Потом порог переступила длинная нога, опять появился нос, и — здравствуйте! — Журавлик стоял посредине дома. Женщина закрыла за ним дверь, мальчики соскочили с кроватей.

Они гладили журавлиные крылья, они угощали Журавлика. И он подумал:

«Зачем же я мёрз все эти дни в сенях?»

*

Теперь Журавлик жил за печкой.

Это не понравилось мыши. Она высунулась из норы и зло сверкнула глазками. Журавлик долбанул её носом, мышь пискнула и больше не показывалась. А вот с пауком Журавлик подружился. Паук спускался к нему с потолка поговорить о весне.

— Хе! Да ты опять нош опуштил! — шушукал паук. — Хе! Вешна уже на пороге, дурашка! Я шам вешну жду не дождушь. Вешной благодать! Мухи жжжу, жжжу!

Журавлик не слушал паука. Он глядел в окно. На окне ледяные узоры.

«Нет, — думал Журавлик, — я, наверное, так и не дождусь весны».

*

Мальчики тоже говорили о весне. С улицы прибежал старший брат и позвал младшего:

— На дворе весной пахнет! Снег липкий. Айда крепость строить!

Мальчики целый день строили крепость, бросались снежками, а вечером у младшего поднялась температура.

Ночью мальчик метался в жару. Когда в доме погасили свет, Журавлик подошёл к кровати больного и положил свой большой прохладный нос на горячую голову мальчика.

Мальчик открыл глаза, но не испугался.

— А! Это ты, Журавлик!

Погладил птицу по крыльям и заснул.

*

Утром пришёл врач. Он снял пальто, а под пальто у него был белый халат.

«Этот человек любит зиму!» — подумал Журавлик и насторожился.

Врач сел возле больного и ласково сказал:

— А ну-ка покажи мне язык!

— Не покажу, — насупился больной. — Вы ложкой в рот полезете.

— Как ты разговариваешь с врачом? — рассердилась мама. — Немедленно открой рот.

А врач и вправду держал ложку. Журавлик щёлк! — и выхватил её.

— Безобразие! — мама даже руками всплеснула.

А врач поглядел на Журавлика, очень удивился, а потом засмеялся и попросил больного:

— А ну-ка открывай рот пошире! Может, мы и вправду без ложки обойдёмся.

Мальчик разинул рот, высунул язык, сказал: «А-а-а!»

— Молодой человек, вы ели снег! — врач покачал головой. — У вас ангина.

*

Болезнь прошла, и однажды мама сказала младшему сыну:

— Сегодня я разрешаю тебе погулять!

На улицу мальчик вышел вместе с Журавликом.

А зимы уже не было. Снег сошёл...

Журавлик раскрыл большие свои крылья, взмахнул ими и ринулся с крыльца в полёт.

Ветер прижал его к земле, но Журавлик оттолкнулся ногой, подскочил, ещё раз толкнулся и полетел.

Всё выше, выше. Крылья опирались на воздух, крылья несли послушно, сильно.

Над головой было синё, солнце играло. И Журавлик затрубил.

Все звери, ожидавшие весны в лесах, по оврагам, в поле, удивлённо глядели на небо.

Откуда взялся журавль? Журавлиная песня ещё не приспела!

И правда, рано было трубить весну.

Сверху Журавлик увидел родные болота подо льдом, и тут на солнце набежала холодная туча, посыпался снег.

— Журавлик, назад! — кричал мальчик. — Замёрзнешь!

И Журавлик послушно сел возле своего друга.

*

Пошла расти трава, лопнули почки на деревьях, лёд в озере опустился на самое дно.

Мальчики каждый день гуляли с Журавликом. Он ходил за ними по пятам. Иногда взмахивал крыльями, но не летал.

Ведь его друзья летать не могли, Журавлик знал это.

*

Ранним утром вдали курлыкнули журавли. Услышала их мама. Она поскорее отворила дверь:

— Лети, Журавлик! Лети!

Мама боялась, что мальчики не захотят расстаться с другом.

Журавлик вышел на крыльцо и тоже услышал:

— Курлы-курлы!

Это возвращалась родная стая.

— Курлы-ы-ы! — крикнул Журавлик и побежал, а потом полетел навстречу журавлям.

Журавли увидали его и, ломая строй, понеслись к нему навстречу.

— Курлы-курлы! — кричали они. — Это наш Журавлик! Он жив!

Но Журавлик вдруг развернулся и опять полетел к дому, где жили мальчики. Ведь он с ними не простился. Он летал над домом и звал их:

— Курлы! Курлы!

И мальчики проснулись. Они услышали журавлиный крик и поняли: случилось что-то очень важное. Они выбежали на крыльцо и увидали большую журавлиную стаю.

Журавли хороводом, низко, доверчиво летали над домом и ласково говорили людям:

— Курлы-курлы!

И среди журавлей был и Журавлик. Но который? Он стал такой же сильный и красивый, как его братья.

Потом стая взлетела ввысь и пошла на журавлиное болото, но один журавль задержался, он пролетел совсем низко над младшим мальчиком и коснулся его крылом, словно подал руку на прощанье.

ОТВАЖНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

НИКОЛАЙ ПУСТЫНЦЕВ,
Герой Советского Союза

В годы войны я был старшим сержантом, командовал группой бойцов-разведчиков. В группе нас было пятеро. Ребята надёжные, храбрые, умелые; белорус Лухачёв, татарин Зиганшин, казах Даникиров и нас двое русских — боец Дмитриев и я, старший группы. Мы проникали в тыл фашистов, захватывали «языков», приносили ценные сведения о противнике. Ежечасно приходилось играть в прятки со смертью.

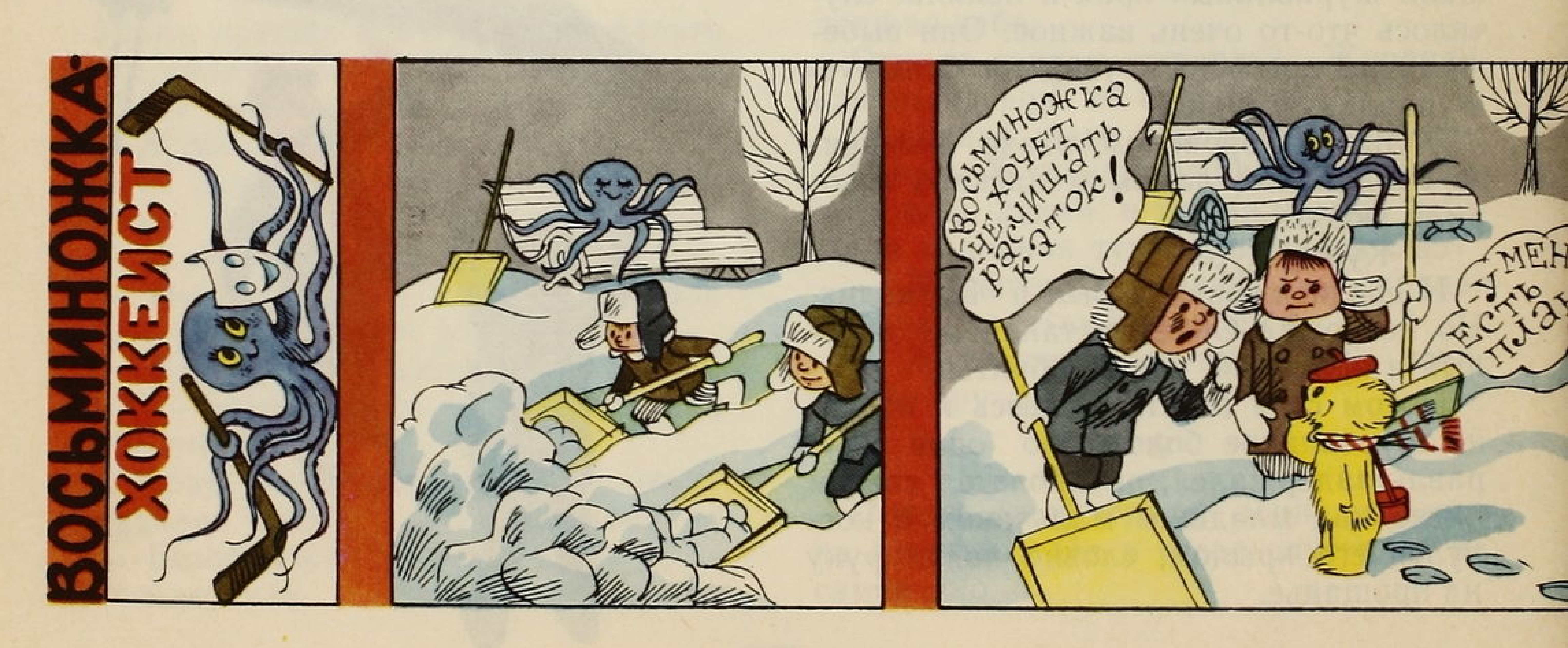
Стоял август 1943 года. Наша 48-я гвардейская стрелковая дивизия вела ожесточённые бои, освобождая от врага Харьковскую область. Однажды меня вызвал командир роты. Он сказал:

— Вашей группе необходимо пройти в тыл фашистов в районе села Мерефа и захватить «языка». «Язык» нужен как воздух. Гитлеровцы перебрасывают на наш участок фронта новые полки. Это надо подтвердить захватом «языка».

Сборы наши недолги. Поверх гимнастёрок надеваем зелёные маскировочные халаты с капюшонами, берём с собой автоматы и запасные патронные диски, захватываем «карманную артиллерию», так мы называли ручные гранаты, и к ночи выходим на задание.

Сперва мы осторожно пробирались кукурузным полем, полусогнувшись, двигались в кустах орешника, потом ползли лугом и к рассвету, никем не замеченные, подобрались к селу Мерефа. За ночь выпала роса, и наши маскировочные халаты вымокли, словно мы в воду окунулись.

На посветлевшей кромке горизонта уже видны крыши деревенских хат. Там фашисты... Тревожное чувство охватывает всех, но каждый старается сохранить выдержку и спокойствие. Больше всего это удается Дмитриеву и Даникирову. Дмитриев ползёт в первой

паре со мной. В группе он выше всех ростом. Движения его точны, неторопливы, размеренны. Следом за ним, ловко работая руками и ногами, ползёт Даникиров, тоненький, похожий на подростка боец. Низенький Зиганшин заметно нервничает. Скуластое лицо его кажется бледным. Лухачёв ползёт позади всех. Он заметно устал. Остроносое, мальчишечье лицо его покрыто каплями пота. Ползём огородом между рядами картошки. Слух и зрение до боли обострены. Отчаянно колотится сердце. Слева за изгородью — двор. Он зарос лебедой. Оглядываемся — вокруг ни души.

Полусогнувшись, перебегаем двор, бесшумно открываем калитку. Мы в саду. Густая зелень надёжно скрывает нас от посторонних глаз.

Пышно разрослись яблони. Колючие низкорослые кусты крыжовника, буйная поросль малины, смородины делают наше убежище скрытым от фашистов.

Солнечные лучи, проникая сквозь частую сетку листвы, образуют на траве пёстрый кружевной узор. На листьях сверкает роса. Пахнет яблоками, и кажется, что на земле мир, спокойствие, тишина.

Сад окружён высоким плетнём. Сразу за ним сельская улица. Временами до нас доносится чужая речь. Подползаем вплотную к плетню, смотрим сквозь щели. По улице изредка проходят немецкие солдаты. Вид у них неважный: худые, заросли жёсткой щетиной.

Зиганшин нервничает. Зрачки его сузились, в них заметен суровый блеск. Слышу его горячий шёпот:

— Очередью бы их из автомата срезать!..

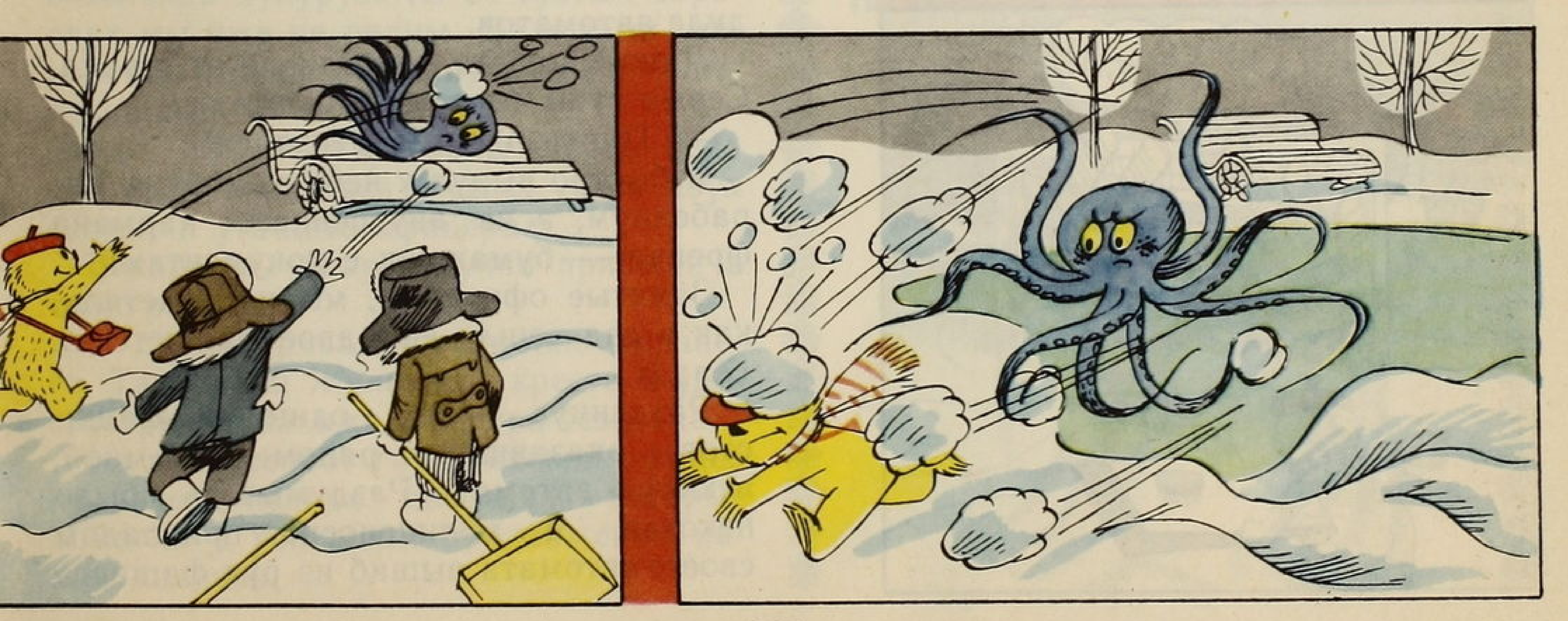
Я кладу на его плечо ладонь:

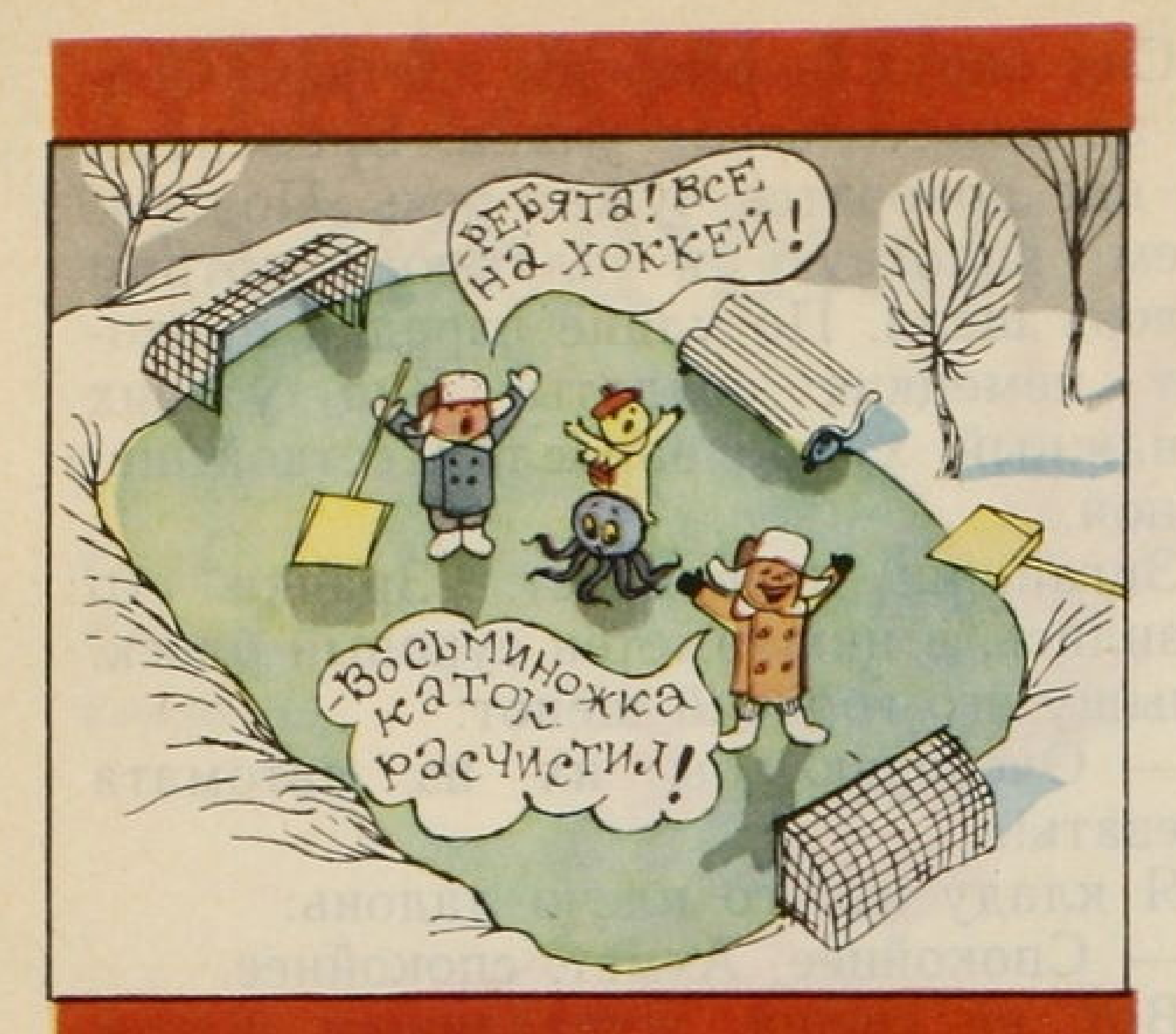
— Спокойнее, Ахмет, спокойнее.

Вот не спеша, журавлиным шагом прошёл по улице долговязый фашистский офицер. Выхоленный, надменный: сапоги блестят, китель отутюжен. Видно, из штабных. Вот бы заарканить такую птицу!

Солнце в зените. Если никто из немцев случайно не забредёт в наше убежище, до темноты можем считать себя в безопасности. А ночью при возвращении в свою роту наверняка захватим какого-нибудь зазевавшегося гитлеровца.

Да, только ночь, тёмная глухая ночь — подруга и спутница разведчиков.

К часу дня на улице становится пустынно. Наверное, у немцев начался обед.

Выбрав в саду самый глухой уголок, мы тоже принимаемся за еду. Лухачёв вытащил из вещевого мешка банку консервов, нарезал хлеб. Но поесть нам так и не удалось.

Внезапно со стороны калитки послышался какой-то шорох. Кто это?

Взяв автоматы наизготовку, мы осторожно ползком обогнули кусты и замерли! Немец! Отперев калитку, он идёт не торопясь, высокий, поджарый. На голове офицерская фуражка. До него не более десяти метров. Захватить в плен офицера для разведчиков весьма соблазнительно. Взглянув друг на друга, без слов решаем, что делать. Мы с Зиганшиным подползаем к фашисту справа, Лухачёв с Даникировым — слева, Дмитриев — с тыла.

А фашист всё дальше уходит в глубь сада.

Что его потянуло сюда? Яблочек, что ли, захотелось?

И в тот момент, когда он, подойдя к одной из яблонь, занёс было руку, я коротко скомандовал:

— Хенде хох!

Офицер быстро обернулся. Пятеро вооружённых парней, одетых в зелёные маскхалаты, в упор наставили на него дула автоматов.

Лицо фашиста побледнело от страха. Серые губы бессвязно шептали:

— Партизанен! Партизанен!

Я быстро вынул у него из кобуры парабеллум, а из внутреннего кармана френча — бумажник с документами.

Занятые офицером, мы не заметили, как в сад вошли ещё двое фашистских солдат.

Раздвинув кусты, один из фашистов, оказавшись рядом со мной, вскинул автомат. Раздумывать было некогда. Я молниеносно прикладом своего автомата вышиб из рук фашиста

оружие, а подоспевший сзади Даникиров размахнулся патронным диском. Солдат упал.

Другой фашистский солдат в это время кинулся бежать. Дмитриев быстро переставил автомат на одиночный патрон и спустил курок.

Теперь нельзя терять ни секунды. Нас могли обнаружить в любой момент. Брючным ремнём связываем пленному офицеру руки. У убитых берём документы.

Теперь остаётся главное — уйти незамеченными. Самое страшное — проскочить улицу. В эту минуту она пустынна.

— Дмитриев, вы за направляющего! — приказал я Георгию.

Вытягиваемся цепочкой. Впереди Дмитриев, за ним Лухачёв, Зиганшин, Даникиров, пленный офицер-фашист и я замыкающим. Немцу трудно: мешают связанные руки. Но я подталкиваю его сзади прикладом автомата, тороплю:

— Шнеллер лауфен, шнеллер лауфен!

Забегаем в чей-то двор. Только бы не напороться на вражеских солдат. И вдруг тонко просвистели над головой пули. Нас обнаружили. Мы поползли. Стрельба не утихает. Но вот она, спасительная кукуруза. В её густых зарослях мы уже не видны. Да и сами гитлеровцы, наверное, напуганы и ошеломлены.

Кто, как не партизаны, средь бела дня мог ворваться в село, убить двух солдат и утащить офицера?

Вскоре мы благополучно прибыли в свою роту.

Я просматриваю бумажник пленного. Там орден Железного креста и удостоверение на имя офицера-эсэсовца.

На допросе этот гитлеровский офицер дал очень ценные сведения, которые помогли в успешном продвижении нашей дивизии.

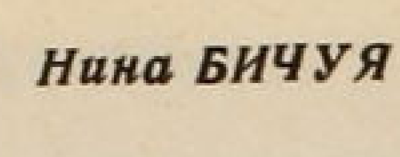
Т. БЕЛОЗЁРОВ

ПОТЕРЯЛА ХОЗЯИНА

Рис. В. ЛОСИНА

Собака прошмыгнула в дверь вокзала...
Под лавкой, проползая у стены,
Она мальчишек жалобно лизала,
Обнюхивала шубы и штаны.
Гудел народ, потея у буфета,
Мелькали боты, бурки, сапоги,
В молочной луже таяла конфета,
В открытой сумке спали пироги.
Обнюхивая лавки и скамейки,
Она опять к порогу приползла —
Ни запаха хозяйской телогрейки,
Ни валенок знакомых не нашла.
Себя хвостом настёгивая, в спешке
Бочком, бочком,
Стыдясь внезапных слёз,
Она сквозь дым табачный
И насмешки
В дверную щель
Метнулась
На мороз.

Нина БИЧУЯ

Самая высокая на свете гора

Рис. Е. МОНИНА

Был очень сильный мороз, даже эскимо перестали продавать. Поэтому приходилось довольствоваться сосульками.

Валерик грыз сосульку и наблюдал, как Витька и Димка острыми коньками выписывали восьмёрки на узкой полоске льда.

— Я тоже так могу, — сказал Валерик.

Ему не ответили, и мальчик повторил, насупив брови:

— Я тоже могу написать восемь!

— Брысь, шпингалет, — презрительно бросил Витька.

«Шпингалет» — это звучало очень противно и оскорбительно. Валерик обиделся.

— Сам уходи! Это что — твой двор?

— Кому сказано — брысь!

В ссору вмешался Дима. Он легонько, заговорщически толкнул Витю локтем и сказал малышу:

— Восьмёрку — это всякий сумеет! А вот ты с горы по льду съедешь?

Если по правде, то Валерику даже стоять на коньках было не больно-то легко, не то что выписывать восьмёрки или тем более съезжать с горы. Но как признаться в этом?

— Если хочешь знать, я могу съехать с самой высокой горы на свете. Ясно? — упрямо ответил Валерик.

— Тут Родос, тут прыгай!

— Какой Родос? — удивился малыш, твердо знавший, что их улица называется совсем иначе.

— Это такая поговорка, шпингалет, — снисходительно сказал Дима, не объясняя, что он сам услышал эту поговорку только вчера и так же спросил: «Какой Родос?» — Это значит: не хвастайся, а показывай, что умеешь! Так говорили древние греки.

О греках Валерик не стал спрашивать. Он решался на смелый поступок, а это было очень трудно.

— Ладно... Пошли к цирку, там есть гора, я съеду вниз. Не верите? Хотите, поспорим? На ножик с двумя лезвиями!

Димке совсем не хотелось идти к цирку, где большая гора. Но, подмигнув Вите, он согласился:

— Пошли! Только... знаешь, ты иди вперёд, а мы с Витькой придём позже. Ну, согласен?

Валерик пошёл, коньки звякали о тротуар. Мальчик старался ступать так, чтобы ноги не подвёртывались и не цеплялись одна за другую.

Но самое страшное было впереди: скользкая, крутая гора — с неё вихрем слетали ребятишки на санках, на коньках, на портфелях и прямо на подошвах, и всем это удавалось совсем легко.

— С дороги, куриные ноги! — крикнули малышу сбоку, когда он взбирался на гору.

Наконец Валерик отважился: он изо всей силы зажмурился и оттолкнулся ногами от земли, словно прыгая в ледяную воду...

•

Димка как раз дочитал книгу до того места, где Робинзон заметил на песке таинственные следы, когда в дверь постучали. Димка краем уха уловил чей-то встревоженный голос, и потом мама спросила:

— Дима, ты случайно не знаешь, где Валерик? Мама его пришла с работы, ищет везде...

Сперва он не понял и, все ещё думая о таинственных следах на песке, спросил:

— Разве его нет дома? Мы же давно...

И вдруг Димка почувствовал, как щёки у него вспыхнули. Он проглотил слюну и сказал:

— Не-не знаю. Я-а не знаю.

Вошла мама Валерика, встревоженно покачала головой:

— И Витя не знает. Куда ж он мог подеваться? Беда мне с ним.

Обе матери ещё торопливо, взволнованно поговорили в коридоре, потом дверь закрылась, громко щёлкнул замок. Димка посмотрел в окно — начинало уже темнеть, переулок затянуло серым туманом. Димкины щёки снова будто ошпарило кипятком. Он бросился в коридор, наспех разыскивая шапку, и, не застегнув пальто, крикнул уже с лестницы:

— Я сейчас, мам! Я к Вите!

Дима во весь дух бежал по улице к цирку, туда, где была «самая высокая на свете гора». «Ну кто же знал, что он и вправду туда пойдёт! Я думал, убежит домой и носа не высунет. Вот шпингалет...»

На горе тёмные, нечёткие уже в ранних сумерках фигурки были ужасно похожи одна на другую, и Димка долго, очень долго разыскивал взглядом и боялся, что не заметит среди них Валерку. А тот как раз взбирался на гору, наклоняясь и цепляясь руками за снег, и всё подымал голову, словно тоже разыскивал кого-то.

— Вале-ерик! — позвал Дима.

Малыш услышал и подошёл совсем близко. Димка подумал, что вот сейчас он спросит, почему они так долго не приходили, и не знал, как отвечать, но малыш не спросил. Он только тяжело вздохнул, словно всхлипнул, и сказал:

— Ну смотри.

И Димка не успел и слова вымолвить, как Валерик наклонился вперёд и понёсся с горы. И вот он уже махал Димке маленькой рукой снизу. Димка сбежал с горы и схватил его за оба уха:

— Здорово! Эх ты, шпингалет! Ну и здорово!

Малыш совсем не обиделся, он почувствовал, что на этот раз в «шпингалете» не было ничего обидного. Он сказал гордо:

— Я так сто раз могу!

Возле своего подъезда они встретили маму Валерика. Димка подтолкнул к ней мокрого от снега, теперь уже испуганного — ох и попадёт же! — Валерика и сказал:

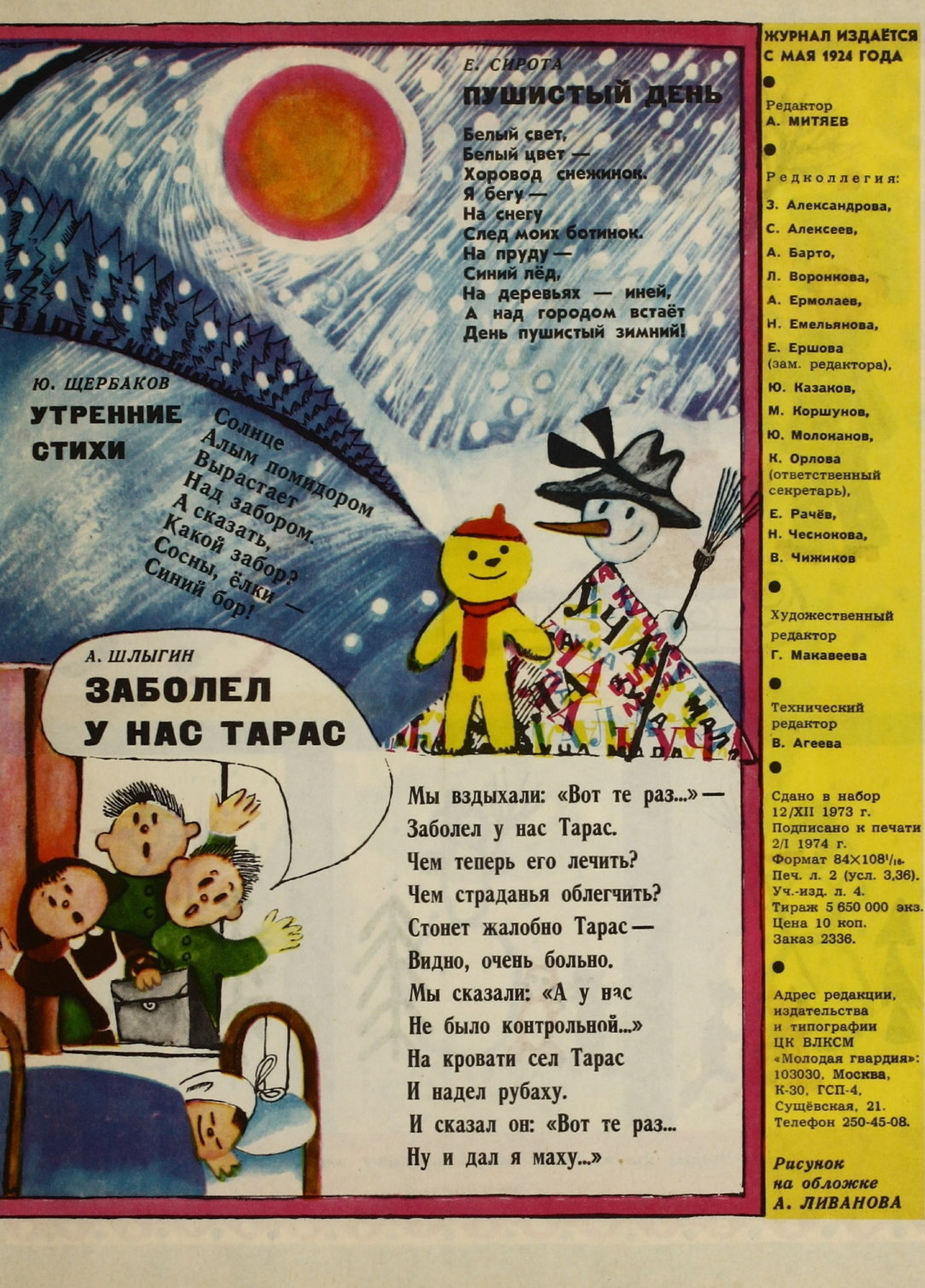
— Вот... нашёлся! — и стремглав понёсся по лестнице, громко выстукивая каблуками.

Перевёл с украинского
В. РОССЕЛЬС

В. ЛЕВИН
САМИ И САМО
Ничто никогда
Не выходит
Само.
Само
Не приходит
К нам на дом
Письмо.
Само
Не способно смолоться
Зерно.
Само
Стать костюмом
Не может
Сукно.
Само
Не умеет свариться
Варенье.
Само
Не напишется
Стихотворенье.
Мы делать всё это
Обязаны
Сами —
Своей головой
И своими руками.
Л. УЛЬЯНИЦКАЯ
СКОРОГОВОРКИ
Хорош пирожок,
Внутри творожок.
До города дорога в гору,
От города — с горы.
А. ЛЕЛЬЕВР
ЗАДАЧА
Идут из леса три подруги: Даша, Глаша и Дуняша.
Даша несёт свою корзину и чужую.
Глаша тоже несёт свою корзину и чужую.
Дуняша несёт свою корзину.
Угадай, чья это корзина.
ДАША
ГЛАША
ДУНЯША
Рис. Н. ХОЛЕНДРО

Е. СИРОТА

ПУШИСТЫЙ ДЕНЬ

Белый свет,
Белый цвет —
Хоровод снежинок.
Я бегу —
На снегу
След моих ботинок.
На пруду —
Синий лёд,
На деревьях — иней,
А над городом встаёт
День пушистый зимний!

Ю. ЩЕРБАКОВ

УТРЕННИЕ СТИХИ

Солнце
Алым помидором
Вырастает
Над забором.
А сказать,
Какой забор?
Сосны, ёлки —
Синий бор!

А. ШЛЫГИН

ЗАБОЛЕЛ У НАС ТАРАС

Мы вздыхали: «Вот те раз...» —
Заболел у нас Тарас.
Чем теперь его лечить?
Чем страданья облегчить?
Стонет жалобно Тарас —
Видно, очень больно.
Мы сказали: «А у нас
Не было контрольной...»
На кровати сел Тарас
И надел рубаху.
И сказал он: «Вот те раз...
Ну и дал я маху...»

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Редактор
А. МИТЯЕВ

Сдано в набор 12/XII 1973 г.
Подписано к печати 2/I 1974 г.
Формат 84×108 1/16.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 650 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 2336.

Адрес редакции, издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущёвская, 21.
Телефон 250-45-08.

Рисунок на обложке А. ЛИВАНОВА

Цена 10 коп. Индекс 70553

Угадай, кто из ребят какую картинку нарисовал.

Рис. Е. НЕМИРОВОЙ